

Смирнова Софья Ивановна

Соль земли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С68

С68 **Софья Ивановна С.**
Соль земли / Смирнова Софья Ивановна – М.: Книга по Требованию, 2025. –
370 с.

ISBN 978-5-519-74164-4

Роман в 4 частях

ISBN 978-5-519-74164-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Мы-то? Мы поближе будемъ. Иди, что ли, подымай хрыча-то своего!

Настѣдникъ только глазами хлопалъ: онъ никакъ не могъ сообразить, въ чемъ дѣло. Андрюшка тѣмъ временемъ успѣлъ уже вооружиться длиннѣйшимъ шестомъ и ткнулъ имъ въ капитанскую каюту, рассчитывая довольно вѣрно, что куда-нибудь да попадетъ хозяину, не въ животъ, такъ въ спину. Изъ каюты понеслось ворчанье. Андрюшка всадилъ шестъ еще дальше. Рычанье повторилось. Наконецъ, послѣ новой продѣлки съ шестомъ, изъ каюты показались ноги. Въ одно мгновеніе ока шестъ полетѣлъ прочь и гость смиренно поджидалъ появленія остального туловища. Выбѣжала понемногу и вся фигура лодочника, и скорѣе сонливо, чѣмъ сердито, посмотрѣла на незваннаго посѣтителя. Посѣтителемъ оказался мальчикъ лѣтъ тринадцати, не больше, сухощавый, проворный, такъ и *пожиравшій* глазами все, на чемъ ни останавливались его быстрые, почти неуправимые взгляды.

— Вотъ я тебѣ виски-то выдеру, началъ-было хозяинъ, еле ворочая языкомъ.

Андрюшка давно сметилъ, что лодочнику не только драться, но и говорить лѣнь.

— Я, дяденька, ничего. Нешъ я тебя потревожилъ?

— То-то, потревожилъ; а за виски, знаешь?

Андрюшка опять не смутился.

— Тутъ къ вамъ баринъ одинъ пріѣдетъ...

— Какой тамъ баринъ?

— А вотъ такой! На двухъ ногахъ, голова въ рукахъ!

— Это намеднишній, что ли?

— Онъ самый.

— Ну?

— Вотъ-те и ну! Велѣли его не пускать.

— Куда?

— Никуда!

— О, лѣшій!

Лодочникъ только плюнулъ.

— Думаешь, вру? Истинная правда.

Прошло полчаса съ небольшимъ. Андрюшка лежалъ, положивши локти на самый край парома и глядѣлся въ воду. Хозяйскій наслѣдникъ лежалъ на спинѣ, поставивъ колѣнки горою. Самъ хозяинъ давно влѣзъ въ каюту.

— Я говорю, фантазировалъ Андрюшка: — я говорю, волки... Они тоже понимаютъ. Вотъ они веревки не любятъ. Покажи волку веревку, — онъ тебѣ сейчасъ: дзынь! Ты еще тутъ, а онъ ужъ энъ дѣ! Ванька, ты слышишь?

— Слышу!

Ванька какъ будто даже обиженъ этимъ вопросомъ.

— Ну, медвѣдь, тотъ опять другое. Тотъ вонъ водку любить. Я такъ думаю, дай ему сапоги — пропѣть! Ты что смѣешься? Ей-богу! Да мнѣ Иванъ говорилъ, Ивалъ, вотъ Марьинъ мужъ. Дали, говоритъ, Мишеѣ сапоги, вотъ такимъ манеромъ: въ этой рукѣ сапоги, а въ этой — водка. Такъ онъ сапоги-то отъ себя пихаетъ, — это, значить, ты себѣ возьми, а къ водкѣ такъ лапу и протягиваетъ. Подай, дескать, мое добро. Умный звѣрь!

— Ишь!

Ванька пораженъ и, съ своей стороны, солидно замѣчаетъ:

— Разные бываютъ случаи. Вотъ, я тебѣ скажу, у меня баушка сверчковъ боялась... Никакъ ѣдутъ!

Андрюшка приподнялся на локтяхъ.

— И то ёдутъ!

И они оба съ Ванькой стали прислушиваться. Надо было имѣть очень тонкій слухъ, чтобы разобрать мягкій, нѣжный стукъ колесъ по рыхлому грунту. Въ песокъ тонуть даже звукъ лошадиныхъ копытъ. На минуту все замерло. Потомъ по водѣ пронесся протяжный крикъ:

— Лодоч-ни-икъ!

Андрюшка стремглавъ кинулся въ каюту. Минуть черезъ пять, не раньше, полетѣлъ съ парома отвѣтъ:

— Слы-ышу!

Перевозчикъ почесался, поддернулъ опояску и крикнулъ на весь уѣздъ:

— Много-ль васъ тамъ?

— Оди-инъ! Лодку давай!

— Ванька, отвязывай лодку! Да гребь одинъ! Чего тамъ! Довезешь, небось.

И капитанская каюта снова приняла хозяина въ свои объятія.

Андрюшка остался поджидать гостя на паромѣ и жадно слѣдилъ за всѣми движеніями лодки: вотъ она отчаливаетъ, вотъ тронулась и пошла пересѣкать волны; носъ ея прямо смотритъ въ стѣнки перевоза, а злодѣй-Ванька ни за что не пристанетъ:—молодцомъ! Такъ и есть! не тѣмъ весломъ гребетъ! Лѣвъѣ бы надо, а онъ...

— Легче правымъ-то весломъ! Легче, тебѣ говорятъ! Нѣтъ! мимо!

Артистъ заговорилъ въ Андрюшке. Онъ весь пылалъ отъ негодованія. Наконецъ, вотъ они близко; онъ схватился за корму и гнѣвно подтащилъ ее къ парому. Высокій муж-

чина выскочилъ на перевозъ. Чуть ли онъ былъ не выше лодочника. Андрюшка сдѣлалъ ему какой-то знакъ и от-
велъ въ сторону.

— Вы нынче на барскій дворъ не ѣздите!

На лицѣ пріѣзжаго выразилось удивленіе.

— Не приказано.

— Не можетъ быть!

— Это я тебѣ вѣрно говорю.

Андрюшка добродушно ухмыльнулся.

— Что же?... Развѣ что-нибудь случилось?

— Мнѣ этого знать не можно.

Пріѣзжій отъ удивленія даже ремень у сумки пере-
двинуть съ одного плеча на другое.

— Куда же мнѣ дѣваться? полюбопытствовалъ онъ,
наконецъ.

На деревню ступайте. Тамъ и ночуйте.

— Да я тамъ никого не знаю.

— Она говоритъ: пусть, говоритъ, онъ у Ивана спро-
ситъ. Они пустятъ.

— Кто это Иванъ?

— Марьинъ мужъ. Ихняя изба напротивъ часовни. А
то къ Дементью. Онъ мужикъ тверезый... Вотъ опять Га-
врило. Хошь, я тебя сведу?

— Хорошо, спасибо. Только вотъ что... Онъ, видимо,
размышлялъ.—Туда лѣсомъ идти?

— Зачѣмъ лѣсомъ! Мы по краешку пойдѣмъ. Лѣсомъ
—это къ намъ. А туды можно по краешку.

— Да. Онъ почесалъ себѣ носъ.—Нѣтъ, ужъ я лучше
вотъ что. Я здѣсь, у лодочника, ночую.

— Какъ хощь. А только что она говоритъ: ежели, говорить, они пожелаютъ...

— Она здорова?

— Здоровы-съ.

Андрюшка усмѣхнулся. Пріѣзжій продолжалъ вертѣть въ рукахъ ремень.

— Къ намъ баринъ нынче пріѣхалъ, докладывалъ Андрюшка.

Гость встрепнулся.

— Давно?

— Съ часъ мѣста будетъ. Я побѣгъ, еще и ужинать не собирали.

— Странно. Чтѣ, по крайней мѣрѣ, сказали? Когда мнѣ завтра приходить?

— Нѣтъ, она ничего.

— Чортъ знаетъ! Онъ пожалъ плечами.—Вотъ что, ты теперь ступай, а завтра утромъ приди мнѣ опять скажи.

— Извольте!

— Ну, тамъ что-нибудь. Узнаешь. Иди-же!

Онъ сдѣлалъ раздражительный жестъ. Андрюшка тряхнулъ головой, затопалъ по гнилому помосту и скоро слышно стало, какъ посыпались камни отъ его неистоваго влѣзанія на крутой берегъ. Потомъ и это затихло.

Пріѣзжій заявилъ лодочнику о своемъ желаніи переночевать у него, и получивши согласіе, долго и молча ходилъ по парому. Глядѣлъ онъ куда-то въ пространство, въ туманную, мѣсячную даль и барабанилъ пальцами по застегкамъ дорожной сумки. Половицы гнулись у него подъ ногами и даже въ иныхъ мѣстахъ представляли не совсѣмъ безопасныя трещины, но онъ этого не замѣчалъ. Ванька

развелъ огонекъ и сталъ варить картошку. Только тутъ прїѣзжій уgomонился и прилегъ къ костру. Пламя освѣтило его длинныя ноги, частію пропадавшія въ темнотѣ, и его еще очень молодое, но уже измученное лицо. Ни усовъ, ни бороды не было на этомъ добромъ лицѣ, а голубые глаза смотрѣли ужъ какъ-то не въ мѣру задумчиво. Длинными, черезчуръ длинными пальцами расчесывалъ онъ, какъ гребенкой, свои свѣтлые волосы. Никакой шелкъ не сравнялся бы съ ними въ мягкости.

Ванька долго разсматривалъ длиннаго барина, пока не соскучился и не заснулъ. А баринъ все сидѣлъ. Давно и огонь потухъ, а онъ все не спалъ. Видно, сонъ не шелъ ему на умъ.

Андрюшка не совралъ: на господскій дворъ дѣйствительно прїѣхалъ „баринъ“. Онъ стоялъ у сарая и глядѣлъ, какъ кучеръ выпрягаетъ изъ фаэтона его пару рыженькихъ. Въ домѣ вздумали-было растворить никогда не отпиравшееся парадное крыльцо.

— Зачѣмъ это? не надо! крикнулъ баринъ.—Что за торжество такое!

— Анна Игнатьевна приказали.

На верху на балкончикѣ показалась женская фигура.

— Оставьте! это я велѣла! заявила она довольно повелительно.

— Да я не хочу этого парада. Я пройду къ тебѣ. Тамъ уютнѣе.

— Не нужно. Я сама сойду внизъ. Нужно же когда нибудь отворять эти комнаты. Григорій, отпирай!

Это воззваніе относилось уже къ дворецкому, который

съ видимымъ наслажденіемъ запустилъ полъ-аршинный ключъ въ щелку замка.

Женская фигура между тѣмъ спустилась внизъ и прошла по двору. Въ темнотѣ можно было только различить небольшой шлейфъ ея платья и накинутую на головѣ мантилью. Баринъ немедленно пошелъ ей на встрѣчу. Онъ представлялъ довольно странную фигуру въ своей длинной, сѣрой шинели съ огромнымъ воротникомъ и висячими рукавами. Догнавши особу въ мантильѣ, онъ нагнулся и почтительно поцѣловалъ ей руку. Особа сдѣлала движеніе плечами и стала подыматься по лѣстницѣ.

Дворецкій, нагибаясь и сверкая лысиной, спѣшилъ подстать коврикъ подъ ноги господамъ.

Въ комнатахъ было темно и пахло погребомъ.

— Свѣту! свѣту! восклицалъ баринъ, принимая свѣчку изъ рукъ изнывавшаго отъ усердія дворецкаго.

— Pardon, извинилась спутница, въ свою очередь принимая ее у хозяина.—Я посвѣчу сама. Потомъ обратилась къ лакею:—Скорѣе самоваръ, и чашки, и все, что нужно. Да отворите окна, балконъ отоприте! Да за цвѣтами къ садовнику пошлите.

— Зачѣмъ это? взывалъ-было хозяинъ, но она не слушала и шла дальше. Онъ могъ только сзади любоваться прелестной фигурой въ голубомъ капотѣ, шуршавшемъ по паркету, и черной кружевной мантилей, драпировавшейся на головѣ и до половины скрывавшей ей плечи.

— Что это ты нынче? не вытерпѣлъ онъ:—испанкой какой-то одѣта?

Она усмѣхнулась, но ничего не отвѣтила, а прямо прошла къ камину и стала зажигать лампу. Онъ сбросилъ на

стулъ шинель, тутъ же кинулъ фуражку и подошелъ къ ней.

Какія два разные лица озарились пламенемъ разгорѣвшейся свѣтильни! Онъ—уже поблекшій, поношенный, всю жизнь, всю силу, казалось, сосредоточившій въ своихъ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глазахъ. Она—поразительная не красотой, но какой-то дерзкой прелестью. Совершенная блондинка, она не имѣла и слѣдовъ той мягкости, которая обыкновенно характеризуетъ блондинокъ. Напротивъ, поднимая свои сѣрые глаза, она такъ и обдавала дерзкой холодностью. Она влекла къ себѣ не живостью, не граціей, даже не кокетствомъ, а именно этой новизной выраженія. Много есть хорошенькихъ женщинъ, но немного такихъ, которыя врѣзывались бы въ памяти разъ навсегда, а она была изъ числа ихъ. Теперь, когда черное кружево мантильи легло на пепельные волосы, а широкій, открытый фасонъ рукавовъ отдѣнялъ поразительную красоту рукъ на голубомъ фонѣ капота—эта женщина просилась въ картину. А между тѣмъ никто не сказалъ бы про нее, что она красавица. Еще менѣе можно было назвать ее хорошенькой. Ни къ одному изъ этихъ типовъ она не подходила.

Съ шумомъ потрясалъ дворецкій ручками у балконныхъ дверей, пока наконецъ обѣ половинки не подались и вечерній воздухъ не ворвался въ столовую. Замелькалъ огонекъ у лампы, затрепетала скатерть на столѣ, а на стѣнѣ то выступали, то прятались во мракѣ оленьи и собачьи головы.

— Ну, Анна, началъ хозяинъ: — рассказывай, какъ твои дѣла.

— Сейчасъ, погодите! Григорій, скорѣй самоваръ! Да цвѣты, пожалуйста!

Жестокая! неужели она не видѣла, что еще немного, и усердный дворецкій разсыплется въ мелкія дребезги. Онъ бѣжалъ съ самоваромъ, летѣлъ съ подносами и съ тарелками, онъ же пододвигалъ стулья, спотыкался, а въ передней даже поплевалъ на блюдечко и вытеръ его рукавомъ.

— Вы спрашиваете, какъ мои дѣла? продолжала Анна, съ удивительнымъ искусствомъ лавируя рукавами между чашками.—Ничего. Сѣнокосъ идетъ хорошо. Отъ Соколовыхъ всѣ рабочіе ушли къ намъ. Здѣсь имъ хорошо платятъ. Да, между прочимъ, м-г Соколовъ грозитъ сдѣлать мнѣ скандалъ. А madame сказала, что я такая женщина, такая...

Она не dokonчила и стала разливать чай. Онъ слушалъ молча и постукивалъ ложкой о молочникъ. Явились тарелки съ малиной, явились сливки и печенье, а вслѣдъ за ними и дворецкій. Онъ облекся въ бѣлыя перчатки и съ благоговѣніемъ бралъ чашку на одномъ концѣ стола, чтобы перенести ее на другой, своему барину. Тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и махнулъ рукой.

— Ступай, Григорій, ты намъ не нуженъ.

Григорій торжественно, но грустно кланяется и удаляется.

На дворѣ залаяла собака. Анна встрепенулась и стала прислушиваться.

— Что ты думаешь, это кто нибудь чужой?

— Нѣтъ, ничего. Здѣсь, говорятъ, волки ходятъ.

Она встала и передвинула лампу.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Задуваетъ сильно. Вѣтеръ.

Онъ поднялъ глаза. Она была какъ будто немножко взволнована.

— Тебѣ дуется? Можно балконъ затворить!

— Ахъ, сидите пожалуйста. Я нарочно велѣла его отпереть. Сюда, Григорій, вотъ сюда къ окну!

Она словно обрадовалась дворецкому, державшему въ объятіяхъ огромные цвѣточные горшки. Хозяинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока ихъ устанавливали. Только что утвердился на мѣстѣ послѣдній кактусъ, какъ онъ ужъ очень рѣшительно приказалъ своему мажордому удалиться.

Анна не спѣша подошла къ столу и стала класть въ ротъ по одной ягодкѣ, не подаривши собесѣдника даже ни единымъ взглядомъ.

— Ну, сѣнокосъ хорошъ, началъ онъ. — Это я слышалъ; дальше что?

— А дальше я опять-таки стою на своемъ. Вамъ надо завести ферму. Сѣно съ каждымъ годомъ падаетъ въ цѣнѣ. Если вы не желаете торговать въ убытокъ, послѣдуйте моему совѣту.

— Я объ этомъ подумываю, давно подумываю. Да вотъ все какъ-то... Дѣла много; некогда заняться.

Она поморщилась.

— Вы тамъ сельско-хозяйственные клубы затѣваете...

— Ты хочешь сказать, что это потерянное время?

— Нѣтъ, отчего же. Напротивъ. Вотъ не возьмется ли вашъ клубъ помочь?

— Нѣтъ, видишь ли. Тамъ будутъ проводиться взгляды на хозяйство вообще. Какая нибудь ферма ихъ не займетъ.

Она смотрѣла, серьезно онъ говорить или нѣтъ.

— Они тамъ раздѣлили губернію по полосамъ и соображаютъ теперь, гдѣ разводить укропъ, гдѣ салатъ. Одинъ